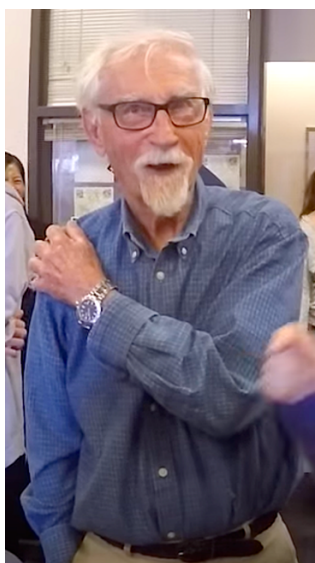

IN MEMORIAM
Don Barton Johnson
(1933-2020)

ПАМЯТИ ДОНАЛЬДА Б. ДЖОНСОНА,
или
Летучие заметы на полях и за полями

by Evgeny Belodubrotsky

Prof. Don Barton Johnson.

Photo by Yuri Leving. Santa Barbara, April 2016.

Зачин

С легкой руки Романа Тименчика в мой обиход старателя (да и не только в мой) вошло понятие «зайти за поля». Но если тогда в нашей неминуемой школьной жизни четвероклашек «зайти за поля» тетради выглядело неряшливо, снижало оценку и вообще было просто табу, то ныне залезть своим лихим пером за просторные поля в тексты почти (почти, ибо, как говорила тетя Хая, края нет, все можно усовершенствовать) уже готовых биографий и летописей наших писателей, ввернув со вкусом автору какую-нибудь новую детальку, подробность или целую «новеллу» – прямо в радость и в счастье (а подчас – и в упрек). Что же касается (лестной для меня, в отношении к Владимиру Набокову «autos didaktos») просьбы редактора НОЖа профессора Юрия Левинга добавить еще пару-тройку строк к моему

давнему, опубликованному и действительно удавшемуся рассказу (по мнению самого Дона, о чем есть хвалебная запись – автограф в моей старательской картотеке и его присказку: сам себя не видишь со стороны, а вот теперь вижу). Это было эссе о моем путешествии по железной дороге из Салинаса в Санта-Барбару к «мексиканцу» Дону «на хауз», где я, пугливый после блокадного детства даже от кошек, чуть не помер от снующих в крошечной ночи жадных койотов и назойливо лезущих в глаза светляков на колючих кустах мне неведомой жимолости). Сейчас я с радостью соглашаюсь «залезть» за поля того эссе, благо «фигура Гуру» (да простится мне невольный каламбур) – первенца в нашем неумном движении «в сторону Набокова» и строгого автора капитальных трудов профессора Дональда Б. Джонсона разнообразна и еще ждет своего летописца.

Память возвращает меня к нему – в первую голову веселому, смешливому и ироничному человеку с намеренно клином стриженной, торчащей седой дон-кихотской бородкой, с булькающим (в русской речи) говорком, немного «с кашей»... И, конечно же, с торчащими, как у Сирина («ухо оттопырен»), ушами – сходство, замеченное самим Доном и его женой Шейлой.

Второй зачин

Мне, конечно, дико повезло. Ибо я был одарен активной дружбой, личным общением и перепиской с Доном более трех отпущенных нам судьбой десятилетий. И едва ли не с первого мига, и мига веселого, остроумного, смешливого на все наши последующие годы. Это случилось в Москве. Мы оказались совершенно случайно рядом и в одном ряду («для гостей из Питера») роскошного бело-голубого Рахманиновского зала с колоннами Московской консерватории на Пятницкой. Был девяностый год (или – 89-й, сто лет прошло). Июнь – точно. Первый набоковский съезд, организованный ИМЛИ РАН (С. Белза, А. Зверев, А. Николюкин, А. Мулярчик), ведущий – молодой задорный Витя Ерофеев; его бестселлер «Русская красавица» был тогда нарасхват). Рассаживаемся. Усталые: ночь в поезде – вечером назад. Сидим. Друг друга пока не знаем. Я почти засыпаю, сосед тоже «смежил очи», что-то бурча сам себе, но я все же успеваю его разглядеть: ковбойка в мексиканскую клетку, рукава засучены, джинсы на крепком широком ремне с пряжкой, почти как – шериф. С перстнем. Худой. Поджарый. В сандалиях, типа пляжных. Рюкзак. Блокнот.

Но вот – покой нарушен. К нам пробирается – третьим – знакомить нас Вадим Петрович Старк (светлая память; он и его жена, Наташа Телетова, для многих и многих останутся первенцами в нашем Набоковском цеху). «Знакомьтесь! Профессор Дональд такой-то Джонсон из университета Санта-Барбары); Евгений такой-то Борисович, библиограф – краевед из ленинградского Фонда Культуры. «Да, да, слышал о Вас от Бойда» – проговорил Дон. Пошла беседа ни о чем, зал заполнялся. Ждали мэра. Спрашиваю Вадима: почему в Москве такая помпа, ведь Набоков-то весь наш, нам и карты... Вадим развел руками, мол, столица – Набоков, стало быть, мировая величина. Академическая. Номенклатурная. Но тут Дон уточняет с улыбкой в кулак, что Набоков никогда не был в Москве, да и музыку не очень знал, хотя его предок был композитор – странно! Стало веселее. Я встрял: а пиджак, тот, который ему якобы подарил Рахманинов по приезде в Америку, выручил, да и в Берлине Сири дружил с издательницей Татьяной – дочерью Сергея Владимировича. Все не так просто. Да, подтвердил Вадим, про пиджак Набоков отрицал, как выдумку Нины Николаевны Берберовой, известной злюки... «Зато Бойд утверждает, что факт имел место быть – а я ему верю», – весело подхватил Дон. Об этом есть в письмах. «И Вера отрицала», – сказал Вадим Петрович. Она все такое отрицала, но «пиджак» – повод решительно набоковский, заключил по старшинству, смеясь, Дон. На том и порешили. Конференция пошла своим ходом, но мы с Доном после этого обмена реагировали на каждое выступление уже, как заговорщики, переглядываясь и неслышно цокая губами. Особенно нас «тронул за живое» Ерофеев, с радостью сообщивший залу, что наше ученое собрание почтила своим присутствием внучка Валентины Шульгиной – гимназической любви Владимира Набокова, по фамилии – Степина. Все стали искать Степину глазами, пытаюсь в ней разглядеть «черты той». Но ее в зале – нет. «А помнит ли она бабушку? – выкрикнул из зала то ли М. Б. Мейлах, то ли еще кто-то рядом с ним сидевший. «Нет», – сказал Виктор, «это невозможно в принципе» (смех в зале, в нашем ряду – громче всех...).

Поздним вечером, после ресторана в т.н. «лазе» под Союзом Писателей, в автобусе, набитым достойными мужами-набоковедами (А. Долинин, Б. Бойд, И. Толстой, Сергей Давыдов, покойные ныне Стивен Паркер и Борис Аверин и другими, включая дам, но боюсь называть по памяти их имена), мы следуем на Ленинградский вокзал. Мой Дон сел рядом со мною и, чуть пригнувшись, почти тайно достал из полевой сумки на ремешке круглый сверток, спиралью заботливо завернутый в

непромокаемую бумагу. И протянул мне со словами: «Пожалуйста, передайте это Наталье Ивановне Толстой и Евгению Борисовичу Шиховцеву». И с таким веселым прищуром – глянул (повторюсь, слишком жива картинка: о, этот прищур Дона плюс дон-кихотская бородка клином и синий глаз буравчиком, можно оду написать) и добавил: «Не смущайтесь – это рубли и десятки, их получилось так много, что мы с моей женой, Шейлой, едва скатали их, чтобы нас не застучали (такое слово было) у вас в аэропорту. Доверяю Вам... Я был счастлив».

Теперь – аллюром

Совершенно невероятной и счастливой для меня была поездка на кафедру Дона в его университет в Санта-Барбаре. Кабинет Дона. Над столом три фотографии: Саши Соколова, Анн Рэнд и – неожиданно известный всему миру снимок молодого Володи Набокова в зимнем лыжном или конькобежном спортивном костюме. Я спросил – почему. Ответ был: я в молодости носил такую шапочку. Вот весь Дон. Узнав, что вместе с Доном прибывает русский профессор (я никогда ничего не имел и не имею против, когда меня в переписке или за глаза в зрелые годы и по совокупности работ «держали» за профессора, по крайней мере, если главной миссией профессора в первоначальном смысле этого слова – ратовать во весь опор «на разрыв аорты» за авторитет знаний и стремиться по мере сил заразить окружающих тебя людей ближнего и дальнего круга хотя бы толикой культурного наследия своего прошлого и постоянно совершенствоваться самому – что ж тут такого?) сбежалась «на меня» почти все свободные на тот момент местные преподаватели. У всех было одно пожелание – передать привет и пожелать доброго здоровья Михаилу Горбачеву.

Однако поездка наша была посвящена не только посещению рабочего места Дона, но и экскурсии в Архив, где хранились черновые тетради перевода романа в стихах «Бледный огонь», сделанного поэтом Алексеем Цветковым с сохранившейся правкой Веры Евсеевны. Видеть эти машинописи – и праздник и ужас. Ибо над каждой строкой цветковского перевода поэмы чернильной тучей, роем, в чертополохе и в беспорядке вдоль и поперек царила беспощадная едва ли не с грубой бранью правка Веры Евсеевны (на взгляд некоторых моих, весьма сведущих по части искусства перевода, ни «Бледный Огонь» на «Ада» на русский язык – непереводимы. Все попытки – жалкое приближение к замыслу и к мысли автора; не очередной ли это

«подвох волшебника Набокова», вопрос не праздный...). Это что касается ужаса. А праздник заключался в том, чтобы видеть упрямый документ – свидетельство соавторства Веры и Владимира Набоковых (тут уместно вспомнить ответ Дмитрия Владимировича на мой вопрос в Кембридже, в 1999 году, на чаепитии в Тринити Колледж, о том, как его отец и мать в принципе работали вместе: «коленями... они сидели, мать, печатая на машинке, отец, читая с листа, касаясь друг друга коленями – и их мысли и строки передавались как ток по проводнику»). Чем эта эпопея кончилось – общеизвестно...

А вот еще – потешное. Где-то на перекладных в свои служебные годы «военным советником» в советской Венгрии в 1950-х годах для усовершенствования русского языка Дон купил в антикварном магазине не абы что, а первый перевод на русский язык «Капитала» Карла Маркса. В кожаном переплете, с тиснением. И с автографом владельца – правда имя стерлось... Текст оказался сложным с первых страниц, и наш герой это чтение забросил. «Капитал» на долгие годы застрял на его полке. И надо же было мне в той комнате при тусклом фонаре натолкнуться на этот томик (просто ненароком сдвинул плечом с полки кипу книг). Раскрыл. Первое издание! Утром показываю Дону. И Шейла вдруг сказала – это, наверное, редкость. И мы втроем решили для смеха сегодня же загнать этот капитал для увеличения нашего *капитала*. И выручку проесть в мексиканской таверне на берегу океана. В Санта-Барбаре было три таких лавки. Моя роль была поддавать жару и громко говорить по-русски в честь Карла Маркса, а Дон – серьезно переводил. Приехали в один букинист, другой, третий. Никто не купил. Один книготорговец правда долго торговался и предложил энную сумму в долларах, но я сказал: «Мало». Кончилось просто – я увез этот том в Ленинград и передал его в Публичку (РНБ) с дарственной надписью профессора Дональда Бартона Джонсона.

Бианки...

В предпоследний день моего пребывания у него в гостях Дон решил показать мне горы. И устроить там прощальный пикник. Это был смертельный номер. На огромной скорости наш кадиллак размером с целый дом на колесах несся по витой спирали вверх к самому небу по горной дороге. «Не смотрите вниз, Женья, это опасно...» И вот мы у цели: обугленная каменная сторожка с большими останками

часов и с сохранившимся железным циферблатом, направленным на городок в память о каком-то пожаре, унесшем жизни людей много лет назад. И ржавой рындой, железной балкой, некогда извещавшей о пожаре ленивых горожан. Дон достал железяку и шарахнул в рынду – сигнал для Шейлы, что мы целы. Вокруг причудливые деревья и кусты. Ни людей, ни живности. Весь смак для Дона – езда по этой дороге, снимает стресс от работы. Для меня – все внове. Я был счастлив. Дон протянул мне бутерброд и бутылку пепси, а сам закурил огромную гавайскую сигару. Вдруг из-за кустов выныривают прямо на нас трое мужчин в полной походной экипировке. С ружьями крест-накрест, с альпенштоками, флягами. На поясе у каждого по клетке как для птиц, а у старшего (так я решил по росту) на шлеме – антенна (это все до нынешних гаджетов и мобильных телефонов). Подошли. Дон махнул им приветливо рукой. Старший – ответил. Дон достал из ящика бутылку пепси и кинул первому – тот поймал. Глотнул. Бросил другому. Разговорились. Оказалось, орнитологи. Два скандинава и один немец. Эта область полна редких колибри, есть и европейские виды. Дон говорит: «Я – местный. А вы знаете удобный спуск обратно?». Они отрицательно мотают головами. Дон очень удивлен. Пешим ходом до этой высоты мало кому удастся добраться без царапин. Риск большой, сыпучий грунт. «Нет, нам не надо – мы знаем дорогу». И тут встрял я. Опять, как в Рахманиновском зале. «Дон, если они такие заправские орнитологи из такой дали – знают ли они самого выдающегося русского орнитолога, академика Виталия Бианки?» А не то – говорю – какие же они специалисты. Дон переводит. И вдруг один из норвежцев говорит: «Бианки, Бьянки. Мост бьютифул сцаентик... Энциклопедичен. Да. Знаем. Каталоги Бианки, великий русский ученый... Передавайте ему привет!» Как давеча в университете – Михаилу Горбачеву. И пошли дальше. «Вот! Бывают странные сближенья, Евгений», – сказал Дон крылатой цитатой из Пушкина.

Иза Кремер

Как-то Дон написал мне с просьбой – не мог бы я найти и прислать фото афиши концерта с участием знаменитой Изы Кремер в Петербурге и с названиями песен и романсов для его эссе (поручения у него бывали...). Я нашел афишу у нас в Театральной библиотеке и послал заказным в Калифорнию. И на зависть самому себе приписал, что моя мама, Леночка Кацнельсон, гимназисткой была на концерте Изы

где-то на юге на каникулах. После концерта она решила ей представиться (благо обе – рыжие) и даже перекинулась с ней парой слов, получив контрамарку на следующий концерт... «Вы большой счастливчик!» – воскликнул Дон.

